

А.Ф. Литвина

(НИУ-ВШЭ),

Ф.Б. Успенский

(НИУ-ВШЭ, ИнСлав РАН)

**«Как князь Роман жену потерял...»:
Родство и власть в истории насильственного
пострижения Рюрика Ростиславича и его семьи***

В летописном повествовании о начале XIII в. мы находим описание одного довольно странного события:

...и дьаво¹ положи сматение великое. Романъ . смъ Рюрика . и посла в Киевъ . и постриже в чернци . и женѣ е² и дщерь е² . юже бѣ пѣсти³ сѣна Рюрикова и бра² е² Володимира . а тою поа съ собою [...]

...Рюрик же слышавъ се шже оубьень бѣ³ Романъ . иже бѣ и постригль . и смета с себе чернецьскыѣ порты . и сѣде Къшевѣ . и хоташеть и жену свою ростричи . слышавши же се жена яго и пострижеса в скыму¹ .

Этот казус вызывал удивление у многих отечественных историков, начиная с Н.М. Карамзина². Совершенно очевидно, что перед нами тот случай, когда древний хроно-

* При написании данной работы использованы результаты проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ), т. I–XLIII. СПб./Пг./Л.; М., 1841–2009. Т. I. Стлб. 420, 425–426. (В случае переиздания летописи мы, кроме специально отмеченных случаев, всегда ссылаемся на последнее издание.)

² Карамзин Н.М. История государства российского. Книга первая (тома I, II, III и IV). СПб., 1842 (репринт: М., 1988). Т. III. Гл. 3. Стлб. 67.

графический пассаж не только допускает, но в определенном смысле, требует неких реконструктивных построений – текст здесь не самодостаточен, в нем явным образом опущены определенные событийные и причинно-следственные звенья, возможно, вполне очевидные для летописца и его аудитории, но не открывающиеся при первом прочтении нашему современнику. Для начала попробуем бегло сформулировать, в чем же заключается странность описанных в летописи событий.

Во-первых, галицкий князь Роман сумел осуществить удивительную процедуру пострижения семьи киевского князя дистанционно, не входя в город³.

Во-вторых, киевское духовенство сочло возможным совершить явно принудительный постриг над тем, кто еще вчера княжил в их городе.

В-третьих, крайне необычен, так сказать, отбор жертв и распределение их участи. В междукняжеской борьбе речь, как правило, не шла о каких-либо насильственных действиях, направленных против княгинь и княжон. Их могли где-либо задерживать некоторое время, не пропускать через какие-то земли, не давать им возможности вывезти собственное имущество, однако дальше этих мер ареста и задержания дело, как правило, не доходило, да и сами эти меры были обычно кратковременны. Над женой же и дочерью Рюрика были совершены действия, так сказать, необратимые, обычно применявшиеся в русской андроцентрической модели преемственности власти лишь к мужчинам.

В-четвертых, еще можно было бы объяснить, зачем Роману понадобилось постригать жену, с которой он расстался, но при этом решительно не ясно, почему в течение

³ На инициативу Романа и на его дистанционное участие в ситуации указывают не только приводившиеся выше вполне определенные выражения летописца, но отчасти и свидетельство летописи Ипатьевской, сообщающей, что Рюрик принял монашеский чин, из страха перед Романом: «Бѣ бо приаѣль боѣзни ради Романовы» (ПСРЛ, Т. II. Стлб. 717), и в еще большей степени свидетельство Новгородской первой летописи: «Того же лѣта посла Романъ Вячеслава, веля ему Рюрика постричи в чернци» (ПСРЛ, Т. III. С. 240).

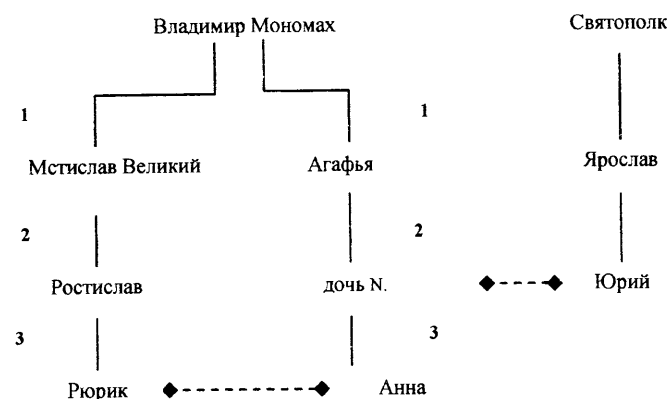
нескольких лет он мирился со своим неопределенным семейным статусом, а теперь – в момент, казалось бы, восстановленного мира с ее отцом – смог обустроить свои матриониальные дела при помощи столь неожиданного средства.

И, наконец, в-пятых, могущественный Всеволод Большое Гнездо смог посадить сына Рюрика (и своего зятя) Ростислава на отцовский киевский стол, но не властен избавиться от насильственного пострига его родителей, и, с другой стороны, тот же суздальский князь ничуть не возражает, когда Рюрику менее года спустя удастся проделать это самостоятельно.

Иными словами, создается стойкое ощущение, что на всех участников ситуации оказывают влияние некоторые условия и параметры, не названные в источниках напрямую, но целиком определяющие возможность / невозможность тех или иных действий с их стороны. Как кажется, ключ для понимания этой загадочной, запутанной и многомерной ситуации лежит в той специфике отношений родства и свойства, которая сложилась в конце XII – начале XIII в. в династии Рюриковичей вообще и в интересующей нас семье в частности.

* * *

Два брака, которые оказались упразднены в результате насильственного пострига, с точки зрения канонического права были «неблагополучны» с самого своего начала. Не только Роман Мстиславич и Предслава Рюриковна были троюродными братом и сестрой, т.е. находились в 6-й – недозволенной для брачующихся – степени родства, но точно также, по-видимому, троюродными братом и сестрой приходились друг другу и родители Предславы, киевский князь Рюрик Ростиславич и его жена Анна. Их общим прадедом (для Рюрика – по мужской линии, а для Анны – по женской) был не кто иной, как Владимир Мономах:

Вдобавок ко всему прочему, Предслава была не единственной дочерью Рюрика и Анны, выданной замуж с нарушениями канонических установлений, запрещающих браки в 6-й степени родства. Еще одна их дочь также состояла в непозволительно близком родстве со своим супругом, князем Глебом Святославичем, так как и они были правнуками одного и того же лица, Мстислава Великого.

Браки между кровными родственниками в 6-й степени родства в домонгольской Руси были весьма редки, так что мы вправе предположить, что допускались они только в виде исключения⁴. Любопытно при этом, что два таких союза мо-

⁴ Соответствующую норму, запрещающую браки в 6-й степени, но позволяющую в 7-й и 8-й, см. в: Русская историческая библиотека, т. I–XXXIX. СПб./Пг./Л., 1872–1927. Т. VI. Стлб. 143, № 14, § 1; Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / Труд В.Н. Бенешевича, т. I. СПб., 1906; т. II / Подгот. к изд. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Щаповым; под общим руководством Я.Н. Щапова. София, 1987. Т. II. С. 196–201. В последнее время отдельные внутрдинастические браки между Рюриковичами, которые приходились друг другу родственниками в 6-й степени, специально рассматривались в работах: Плехонин А.Г. «История Российская» В.Н. Татищева и исследование генеалогии Рюри-

гут приходиться на довольно небольшой хронологический отрезок, однако более крупных их скоплений ни в один из периодов домонгольской истории не наблюдается, с другой стороны, они не образуют непрерывной цепочки во времени – должно пройти не менее поколения, чтобы следующее нарушение запрета на брак между родичами в 6-й степени стало возможным.

Ничего определенного об особых причинах женитьбы Рюрика на Анне мы сказать не можем, поскольку в летописях это событие не зафиксировано. С другой стороны, хорошо известны обстоятельства, позволившие отступить от канонических запрещений и жениться на троюродной сестре родичу Анны, ее кузену Святославу Вщижскому. Вся ситуация его брака может служить своего рода моделью, демонстрирующей, как в этот период могли обустраиваться такого рода «дефектные» союзы. Жениху, рано осиротевшему князю Святославу Владимировичу, грозит непосредственная военная опасность со стороны могущественной княжеской коалиции, и его дядя прибегает к немедленной помощи Андрея Боголюбского, обеспечив ее тем, что высватал дочку последнего для своего племянника⁵.

Подчеркнем, однако, что кроме разбираемого сюжета тройственного пострига Рюрика, Анны и Предславы, нам неизвестны другие случаи, чтобы на Руси браки между родственниками в 6-й степени, будучи однажды заключенными, впоследствии упразднялись.

Браки обеих дочерей Рюрика приходятся на 80-е гг. XII в., когда свойство стало одним из главных средств заключения мира между старшими родичами брачующихся.

ковичей // Средневековая Русь, вып. 4. М., 2004. С. 322; Назаренко А.В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 129, примеч. 28.

⁵ «Тои же зимы . ѿтуда иде на Смоленскую волость . Изславъ и повоевавъ . и тамо много зла створиша . Половци . взяша дѣи боле тмы а иныѣ исѣкоша Изславъ же ѿтолѣ . посла къ Дюргевичю къ Андрѣевичю испроси оу него дщерь . за снѣвца своего за Сѣслава . и испроси оу него помочь» (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 508). Ср.: ПСРЛ. Т. I. Стлб. 350.

Подобная стратегия сближения между черниговцами и Мономашичами, а также между разошедшимися отроутками внутри мономаховой ветви рода, провоцировала ряд более или менее значительных отступлений от норм брачного права, никогда, впрочем, не доходивших до полного их попрания. Со стороны церкви проводником такой относительной терпимости являлся, по-видимому, митрополит Никифор II, хорошо разбиравшийся в особенностях обихода княжеской династии.

Брак Романа и Предславы, будучи осмыслен в родовой терминологии, актуальной для русских князей того времени, несколько отличается от серии других матримониальных союзов, заключенных в 80-е гг. XII в. прежде всего тем, что он не является результатом политической договоренности между «старшими». Он был призван объединить князей двух разных поколений, Рюрика и Романа, такими отношениями, где свойство символически отождествляется с кровным родством, когда зять и тесть в княжеской иерархии занимают ту же позицию, что сын и отец. Дальнейшее развитие событий демонстрирует временный характер данной субституции и вполне предсказуемую иллюзорность самого отождествления родства и свойства. В случае с Романом его стремление отделиться от Рюрика может быть вызвано сразу несколькими факторами: собственным политическим ростом, очередным сближением с кровными родственниками, находящимися за пределами Руси и, не в последнюю очередь, отсутствием в браке с Предславой наследников мужского пола, которые на практике превратили бы отношения свойства между двумя ветвями рода – в отношения кровного родства.

Тем не менее, семейно-династический конфликт тестя и зятя не принимает необратимого характера при жизни митрополита Никифора. Во всяком случае, брак Романа и Предславы, скорее всего, не мог быть упразднен при жизни и по инициативе того духовного иерарха, кто этот брак в свое время санкционировал. Точное время кончины Никифора и появления его преемника на киевской кафедре не из-

вестно⁶. Однако наиболее убедительной представляется гипотеза Я. Н. Щапова, согласно которой смена митрополитов приходится на двухлетний промежуток между кончиной новгородского архиепископа Мартирия (август 6707 г.) и хиротонией в Киеве его преемника Митрофана (июль 6709 г.)⁷. Весьма вероятно, таким образом, что в момент по-

⁶ Митрополит Никифор занимал кафедру около 20 лет, однако ни точной даты его прибытия в Киев, ни времени его кончины мы не знаем: первое упоминание имени этого иерарха в летописях относится к 1183 г., а последнее – к началу 1198 г. (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 706; ср.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. С. 208). При этом А. Поппэ полагал, что митрополит, дважды упоминаемый в Новгородской первой летописи в связи с избранием (под 6707 [= 1199/1200] г.) и рукоположением (под 6709 [= 1201/1202] г.) новгородского архиепископа Митрофана (ПСРЛ. Т. III. С. 44, 45, 238, 239) – это все тот же Никифор II, хотя здесь он не назван по имени (*Поппэ А.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Щапов Я.Н.* Государство и церковь в Древней Руси: X–XIII вв. М., 1989, с. 201; *Он же.* Митрополиты и князья Киевской Руси // *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.), изд. 2-е, испр. и доп. / Пер. А.В. Назаренко под ред. К.К. Акентьева, СПб., 1996 (Subsidia Byzantinogossica 1.). С. 462). В целом же главная трудность заключается в том, что следующий киевский митрополит, Матфей, впервые назван в летописном источнике по имени лишь под 1210 г. (ПСРЛ. Т. I. Стлб. 435), таким образом, он, строго говоря, мог быть поставлен как Иоанном Каматиром (1198–1206 гг.), так и Михаилом Авторианом, вступившим на патриарший престол лишь в 1208 г.

⁷ Необычно длительный промежуток (почти два года) между избранием Митрофана в Новгороде и поставлением его в Киеве (ср. предыдущее примеч. в нашей работе) может быть объяснен как раз кончиной Никифора и, соответственно, сменой иерархов на митрополичьем престоле (*Я.Н. Щапов.* Государство и церковь в Древней Руси. С. 64–65). Во всяком случае, еще один, столь же долгий промежуток между избранием новгородского епископа и его хиротонией, связан с ожиданием прибытия на Русь митрополита Константина. Как известно, архиепископ Нифонт скончался в Киеве, в апреле 1156 г., куда он приехал, зная о том, что новый митрополит уже поставлен в Константинополе. Его преемник, Аркадий, был избран на новгородскую кафедру практически немедленно, с тем, чтобы дожидаться прибытия митрополита для руко-

стрига Рюрика, Анны и Предславы киевскую кафедру занимал относительно недавно прибывший из Константинополя митрополит, в глазах которого Рюрик был запятнан многократным нарушением церковного запрета на брак между кровными родственниками в 6-й степени – для него восстановление церковных норм могло быть делом более актуальным, чем давно устарелые мотивировки, оправдывающие их нарушения.

Как уже отмечалось исследователями, немаловажную роль в произошедшем сыграло то обстоятельство, что в другом, еще не легитимизированном союзе у Романа появляется наследник мужского пола. Иначе говоря, матримониальная ситуация галицкого князя такова, что у него есть семейные и политические причины, побуждающие упразднить брак с Предславой, имеются и признаваемые церковью основания для его упразднения (чересчур близкое кровное родство). Налицо и повод полностью перенести ответственность за пребывание в непозволительном браке с себя самого на других участников ситуации – кончина митрополита Никифора и кровное родство между родителями его жены, которые не только сами состояли в браке, будучи троюродными братом и сестрой, но устроили такие же союзы для двух своих дочерей. Разумеется, не будь у Романа в ту пору должного политического веса и военной силы, едва ли киевскому клиру или роду Рюриковичей пришлось бы в голову исполнять его инициативы или мириться с ними. Однако, с другой стороны, и одних его силовых возможностей было бы недостаточно, чтобы он мог предпринять такие шаги, не опираясь на канонические запрещения.

Можно утверждать, что в совокупности поступки Романа являют собой едва ли не первый на Руси образчик манипуляции брачным каноническим правом, когда одно и то же действие объявляется по мере надобности то допустимым, то строго запрещенным. Такая манипуляция служит

положения (ПСРЛ. Т. III. С. 29–30), однако совершилось оно лишь два года спустя, т. е. в 1158 г. (ПСРЛ. Т. II. Стлб. 498).

одним из симптомов кардинальной перестройки всего династического обихода русских князей.

Интерпретация двух наших небольших летописных фрагментов оказывается тесно связанной с реконструкцией причинно-следственных связей изложенных в них событий, реконструкция же эта, в свою очередь, вовлекает нас в малоисследованную область средневекового права – бытование тех или иных брачных норм в правящей династии.